

ператорами и королями» (здесь добавлена «Аудиенция у императора Александра», относящаяся к 1814 г.); княгиня Дашкова оказывается в главе «Дамы-корреспонденты», а Румянцев — среди «Военной переписки» — оба в томе I, тогда как Морков, Орловы и Воронцов появляются в томе II вместе с заметками и письмами от таких деятелей, как князь Г. П. Гагарин, С. И. Плещеев и граф Румянцев.

Несмотря на опубликование в «Переписке» критических высказываний Синклера о России, новое издание производит совершенно иное впечатление, чем книга 1787 г. Причиной этого является, во-первых, новая композиция книги, благодаря которой отрицательные суждения оказались рассредоточены, во-вторых, подчеркивание автором временной дистанции и, главное, дипломатичное смягчение или даже изъятие особо резких выражений.¹³

Большая часть характеристик людей, с которыми встречался Синклер, смягчена; к ним добавлены новые, более приятные детали, и даже там, где все же подчеркиваются отрицательные черты, контекст часто меняется для того, чтобы ослабить впечатление. Замечания о Моркове и Безбородко сняты; Воронцов оказывается совсем в ином освещении; он представлен теперь как глава коммерц-коллегии, где его мнения высоко ценились, «так как он был трудолюбивым и работающим человеком, и им очень восхищались при дворе, где очень немногие дворяне могут вы-

¹³ Приводим для сравнения вводный абзац из обоих изданий. «The Russians are yet far behind the other nations of Europe in point of civilization. The nobles who reside in the country, continue as cruel and tyrannical to their peasants and other dependents, as ever. A Countess Soltikoff, niece to Marechal Soltikoff, is shut up in the monastery of Albakin in Moscow, for killing her boors, torturing women, cutting off their breasts, etc. Even their domestic servants are slaves; and where they are best used, are compelled to such tedious attendance, waiting for hours every day in the hall of their master, without daring to open their lips, or to utter a single word, that to a person of any feeling, no life could be more insupportable» (General Observations..., p. 4).

«The Russians, as might be expected from their remote and isolated situation, are behind the other nations of Europe in point of civilization. They are naturally, however, prone to acts of kindness and charity; and the various revolutions which have taken place in Russia, without almost any bloodshed, furnish a strong evidence of the good temper of the people. If the Russians had been naturally cruel, such events would have furnished numberless pretexts to a licentious soldiery, and others acting under the influence of real or supposed provocations, for gratifying their private malice. The nobles who reside in the country, were, in some cases, tyrannical to their peasants and other dependents; but by an edict of Catherine II, the power of masters over their peasants was limited within certain boundaries; and they are denied the privilege of corporal punishment, except through the medium of civil power. Domestic servants are in general compelled to such tedious attendance, waiting for hours every day in the hall of their master hardly venturing to open their lips, that to a person of any feeling, no life could be more insupportable» (The Correspondence..., v. II, p. 241—242).